

Тун Цинхэ сам отправился в родильное отделение больницы на обследование. Он бывал здесь много раз, сопровождая Цзи Вань и Юй Сяокэ, и знал процедуру наизусть. Врачи и медсестры из родильного отделения его помнили. Увидев его снова, они улыбнулись и спросили:

— Сегодня Сяохэ кого-то сопровождает на обследование?

Тун Цинхэ стоял на месте, его пальцы онемели. Он показал на свой живот, его лицо стало цвета багровой свеклы, и он с трудом произнес:

— Сегодня обследуют меня...

Медсестра добродушно улыбнулась:

— Наконец-то забеременел!

Они и раньше подшучивали над Тун Цинхэ, говоря, что он всегда сопровождает беременных, и когда же придет его очередь. Тун Цинхэ тогда отмахивался, говоря, что он еще маленький, еще не готов морально носить ребенка в животе.

Даже сейчас внешность Тун Цинхэ мало изменилась по сравнению с тем временем, когда он только женился. У каждого, кто видел его, складывалось впечатление, что он все еще ребенок, выросший в любви и заботе, купающийся в медовом сиропе брака, и никто не осмеливался взвалить на него сложные семейные дела взрослых.

Тун Цинхэ ошеломила новость о его беременности. Сначала он следил за информацией на эту тему, но год за годом его живот оставался безмолвным, и он постепенно забыл об этом.

После полного обследования Тун Цинхэ посмотрел на отчет. Беременность составляла примерно два месяца, и положение плода еще не было стабильным. Вспоминая, как проходила его жизнь после каждого расставания с Цзян Шаочжи в течение этих двух месяцев, ему стало стыдно смотреть этому ребенку в глаза.

Доктор улыбнулся:

— Конечно, насыщенная половая жизнь — это хорошо, но на данном этапе нужно быть более осторожным. Во всем должна быть мера, по крайней мере, пока не пройдет три месяца и ситуация не стабилизируется.

Услышав это, у Тун Цинхэ покраснели уши. Он давно знал все меры предосторожности, необходимые для беременных омег. Теперь, когда это коснулось его самого, Тун Цинхэ отнесся к этому с осторожностью. Выйдя из больничного здания, он не стал сразу просить водителя ехать домой.

Тун Цинхэ купил книги, музыку для внутриутробного воспитания, питательные добавки, а чтобы предотвратить внезапное желание съесть что-то странное посреди ночи, он набрал несколько больших коробок закусок. Когда он привез это домой, тетушка поспешно спросила, почему он вдруг купил так много всего.

Тун Цинхэ не мог сказать, что не хочет в будущем утруждать Цзян Шаочжи беготней туда-сюда, поэтому решил заранее подготовить все, что может понадобится.

Цзян Шаочжи не успевал вернуться домой, чтобы поужинать с ним. Совещание затянулось допоздна, он должен был приехать только к полуночи, и велел ему принять душ и ложиться спать.

Тун Цинхэ проглотил все, что собирался сказать. Когда Цзян Шаочжи связался с ним, он все еще занимался другими делами. Тун Цинхэ пошевелил губами, смиренно сказал "Ох" и вернулся в спальню. Он скомкал результаты осмотра и сунул их под подушку, прижался щекой к краю подушки и закрыл глаза.

Цзян Шаочжи закончил совещание в полночь. Когда он вернулся домой, только в холле горел свет. Он спросил тетушку и узнал, что Тун Цинхэ ушел спать на час раньше обычного и даже не смотрел свою любимую передачу.

Он принял душ в ванной внизу, вернулся в спальню, плотно завернувшись в пижаму. Свет ночника был приглушен, в туманном, желтоватом свете смутно виднелась половина лица Тун Цинхэ.

Тун Цинхэ, оказывается, нахмурился. Вероятно, он сохранил это выражение перед сном, и во сне его что-то тревожило.

Цзян Шаочжи протянул руку, чтобы разгладить его брови, но едва коснулся, как тут же разбудил Тун Цинхэ.

— Дядя, — глаза Тун Цинхэ были полны сонной прострации, но тело само собой выпрямилось. Он вылез из одеяла, и одна рука полезла под подушку в поисках.

Не успел он нащупать результаты осмотра, как Цзян Шаочжи прижал его к кровати. Теплое дыхание коснулось его щеки. Он втянул шею. Цзян Шаочжи сказал:

— Почему ты сегодня такой беспокойный?

Цзян Шаочжи придвинулся ближе, вдыхая остатки тепла дыхания Тун Цинхэ, слегка замороженный, невольно усиливая хватку на его руке.

Шея Тун Цинхэ, которую он сжал, немного заболела. Сонное сознание почти рассеялось. До

того, как все произошло, он повернулся спиной к Цзян Шаочжи, покачал головой и невнятно отказался:

— Нельзя, я не могу.

Из-за силы ладони Цзян Шаочжи Тун Цинхэ слегка вскрикнул. Он рассерженно посмотрел на него, но его туманные, влажные глаза не несли никакой угрозы.

— Дядя, — Тун Цинхэ закричал от беспокойства, резко вдохнул, наполняя легкие воздухом, и тут же начал кашлять.

Цзян Шаочжи прекратил свои действия, только когда увидел его страдания. Изначально он хотел просто спокойно обнять своего Омегу и уснуть, но пока обнимал, его намерения невольно сместились.

Пока Цзян Шаочжи похлопывал его по спине, Тун Цинхэ поспешно бросил ему в объятия результаты осмотра, которые он только что вытащил. Скомканная в шар бумага медленно разгладилась в руке Цзян Шаочжи.

Альфа внимательно сосредоточился на ней. Он знал каждое слово, и результаты обследования постепенно складывались в его голове. Тун Цинхэ увидел, как Цзян Шаочжи немного оцепенел.

Он тихо пробормотал:

— Больше нельзя так баловаться.

В следующую секунду Цзян Шаочжи осторожно перевернул его на подушку и прижался к его животу через мягкое одеяло.

Цзян Шаочжи нежно и благоговейно коснулся его живота губами сквозь одеяло:

— У меня теперь два баобао.

Тун Цинхэ, естественно, был «большим сокровищем» Цзян Шаочжи, а теперь у него еще появилось и «маленькое сокровище».

Последние несколько лет они не предохранялись, полагаясь на естественный ход событий. Особенно после того, как Цзян Шаочжи стабилизировался в Федерации. Раньше, когда он еще был в командировках, он намеренно или ненамеренно избегал этого. Теперь, когда у них появился ребенок, внутренняя радость заставила его напряженное лицо слегка дрогнуть. Он взял руку Тун Цинхэ в свою ладонь и с нежностью поглаживал ее.

Лицо Тун Цинхэ залилось румянцем. Он зацепил пальцем палец Цзян Шаочжи:

— Я уже такой взрослый, могу стать папой, я больше не баобао.

В личной жизни Цзян Шаочжи называл его «баобао», особенно в разгар страсти, когда он произносил это тихо и глубоко.

Черты лица Тун Цинхэ остались прежними. Только тот, кого очень хорошо оберегают, не меняется.

Цзян Шаочжи становился все более сдержанным. Глаза, когда-то похожие на пылающее пламя, стали глубоким, бездонным морем. И только когда Тун Цинхэ касался его, в этих глазах появлялась рябь.

Цзян Шаочжи не нуждался в невинности для себя. Он сосредоточил все свои самые искренние и чистые чувства на Тун Цинхэ. Тун Цинхэ должен был жить просто и счастливо. Его задача — защищать уголок безмятежной чистоты в своем сердце, защищать свое сокровище.

— Как долго?

Тун Цинхэ глухо ответил:

— Это произошло около двух месяцев назад.

Цзян Шаочжи на мгновение оцепенел, схватил его за руку и спросил:

— Живот болел из-за...

Наступило редкое молчание.

— Да, — Тун Цинхэ не колеблясь прикрыл живот, его эмоции пережили подъем до небес, и он был очень сонный. — Я хочу спать, и баобао тоже хочет.

Цзян Шаочжи крепко обнял его и лег вместе с ним, подложив подушку. Тун Цинхэ был как огонь: где бы он ни коснулся Цзян Шаочжи, тот вспыхивал. А их ребенок был как огнетушитель, вовремя окативший горячую голову Цзян Шаочжи холодной водой.

Цзян Шаочжи, обладающий железной волей, пришел в себя, раскаиваясь, что чуть не подверг опасности своего Омегу и ребенка.

<http://bllate.org/book/4/167>